Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 4 (28).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (28), 2024.
Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0+811.521
ББК 83.3(2Рос=Рус)+83.3(5Япо)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-181-193
https://elibrary.ru/JMNCAV

© 2024. Крюкова Ольга
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
© 2024. Раренко Мария
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия

Манга Осаму Тэдзуки «Преступление и наказание»: закономерности и парадоксы интермедиальности

© 2024. Olga S. Kryukova
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
© 2024. Maria B. Rarenko
Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Osamu Tezuki's Manga *Crime and Punishment*: Patterns and Paradoxes of Intermediality

Информация об авторах: Ольга Сергеевна Крюкова, доктор филологических наук, заведующая кафедрой словесных искусств факультета искусств, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-4737-841X
E-mail: florin2002@yandex.ru
Мария Борисовна Раренко, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Нахимовский пр., д. 51/21, 117418 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-3601-6832
E-mail: rarenco@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу манги классика японского анимэ Осаму Тэдзука «Преступление и наказание» по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Роман Достоевского не случайно послужил «материалом» для создания манги, поскольку, рассматриваемые в нем проблемы, прежде всего нравственного плана, носят общечеловеческий характер и сегодня не утратили своей актуальности. Период конца XX — начала XXI века знаменуется грандиозными изменениями буквально во всех сферах человеческого

бытия, что не могло не отразиться на сознании человека и его отношении к способам познания.

Наметившаяся в конце XX века тенденция «потреблять» вызвала к жизни особый вид получения информации, известный как «инфотейнмент» (infotainment — от англ. information «информация» и entertainment «развлечение»), став одной из характеристик современной массовой культуры. Этот прием, являясь по своей природе гибридным, использует стилистические ресурсы различных дискурсов.

В статье показано, что, выйдя за национальные рамки, манга перестает быть частью исключительно японской книгоиздательской индустрии.

Анализируемая манга вышла на японском языке в 1953 году, став наглядным примером «вторичного текста» (термин А.И. Новикова), цель которого — популяризация творчества Достоевского среди японской молодежи. Тэдзука, демонстрируя глубокое знание русской культуры в целом, творчества Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, при создании манги использует диснеевские анимационные приемы, что становится заметно при анализе собственно изобразительных приемов создания образа Раскольникова.

Манга «Преступление и наказание» Осаму Тэдзука была переведена на русский язык в 2012 году и до настоящего времени не рассматривалась в оптике межсемиотического перевода.

Ключевые слова: Достоевский, Осаму Тэдзука, роман «Преступление и наказание», манга, массовая культура, межсемиотический перевод.

Для цитирования: *Крюкова О.С., Раренко М.Б.* Манга Осаму Тэдзуки «Преступление и наказание»: закономерности и парадоксы интермедиальности // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 4 (28). С. 181–193. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-181-193

Information about the authors: Olga S. Kryukova, DSc in Philology, Head of the Department of Verbal Arts, Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-4737-841X

E-mail: florin2002@yandex.ru

Maria B. Rarenko, PhD in Philology, Leading Research Fellow at the Department of Linguistics, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky Prospekt, 51/21, 117418 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0003-3601-6832

E-mail: rarenco@rambler.ru

Abstract: The article is dedicated to the analysis of the manga by the classic of Japanese anime Osamu Tezuka, *Crime and Punishment*, based on the eponymous novel by Fyodor Dostoevsky. It is no coincidence that Dostoevsky's novel served as the "material" for the creation of manga, since the problems considered in it, primarily moral, are of a universal nature and remain relevant today. The period of the late 20th and early 21st centuries is marked by tremendous changes in nearly all spheres of human existence and this fact has inevitably influenced human consciousness and its attitude toward the ways of cognition. The tendency to "consume" that emerged at the end of the 20th century gave rise to a special type of information acquisition, known

as “infotainment” (from the English “information” and “entertainment”), which has become one of the characteristics of modern mass culture. This technique, being hybrid in nature, uses stylistic resources of various discourses.

The article shows that, having gone beyond the national framework, manga ceases to be confined to the exclusively Japanese book publishing industry. The analyzed manga was published in Japanese in 1953, becoming a clear example of a “secondary text” (according to A.I. Novikov’s terminology), the purpose of which is to popularize Dostoevsky’s work among Japanese youth. Tezuka, demonstrating a deep knowledge of Russian culture, Fyodor Dostoevsky’s and Lev Tolstoy’s works, uses Disney animation techniques when creating manga, as becomes evident when analyzing the actual visual techniques of creating the image of Raskolnikov. Osamu Tezuka’s *Crime and Punishment* was translated into Russian in 2012 and has not yet been the subject of special research as an example of intersemiotic translation.

Keywords: Dostoevsky, Osamu Tezuka, *Crime and Punishment*, manga, popular culture, intersemiotic translation.

For citation: Kryukova, O.S., and Rarenko, M.B. “Osamu Tezuki’s Manga *Crime and Punishment*: Patterns and Paradoxes of Intermediality.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (28), 2024, pp. 181–193. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-181-193

Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» — одно из тех произведений, интерес к которым не угасает, несмотря на то, что со времени его создания прошло более чем полтора столетия. Произведение переосмысливается разными поколениями читателей, принадлежащих к разным культурам, каждый находит в нем нечто себе созвучное. Фактически с момента публикации роман привлек к себе внимание не только литературных критиков, но и представителей других видов искусства, став предметом рефлексии, что нашло отражение как в самоценных произведениях искусства, так и в различных интерпретациях, в том числе в массовой культуре начиная с 1950-х годов [Олейник, 2018], [Новикова, 2019], [Магера, 2021], [Усачева, 2021], [Тарасова, 2022].

Необходимо отметить, что период конца XX — начала XXI века знаменуется грандиозными изменениями буквально во всех сферах человеческого бытия, что не могло не отразиться на сознании человека и его отношении к способам познания. Наметившаяся в конце XX века тенденция «потреблять» вызвала к жизни особый вид получения информации, известный как «инфотейнмент» (infotainment — от англ. information «информация» и entertainment «развлечение»), став одной из характеристик современной массовой культуры. Этот

прием, являясь по своей природе гибридным, использует стилистические ресурсы различных дискурсов.

Японские комиксы, известные как манга (яп. 漫画, マンガ, [mãŋga]) и иногда также называемые комикку (コミック), становятся популярными в Японии после окончания Второй мировой войны. Уходя своими корнями в раннее японское искусство, испытав сильное влияние западных традиций, они объединили в себе изобразительное искусство и литературное творчество, а их популярность вышла за границы Японии. Вероятно, мангу можно считать некоторой техникой, или приемом представления текста в широком понимании последнего.

Выйдя за национальные рамки, манга перестает быть частью исключительно японской книгоиздательской индустрии. Сегодня в жанровом и тематическом отношении манга представлена довольно разнообразно. Манга создается и на японские сюжеты, и на иностранные. Почти вся манга рисуется и издаётся чёрно-белой, хотя известны случаи и манги в цвете.

В 1953 году по роману «Преступление и наказание» была создана манга. Ее автор — классик японского анимэ и манги Осаму Тэдзука. Цель создания этой манги — популяризация творчества Достоевского среди японской молодежи. В манге Тэдзука использует диснеевские анимационные приемы, что становится заметно при анализе собственно изобразительных приемов создания образа Раскольникова, но при этом мастера-«мангака» отличает «глубокое знание русской культуры, творчества Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого» [Тэдзука, 2012, с. 2]. Манга, как и комикс по литературному произведению, представляет собой «вторичный текст», результат межсемиотического перевода.

Р. Якобсон в статье «О лингвистических аспектах перевода» [Якобсон, 1978] наряду с межъязыковым и внутриязыковым видами перевода как особый вид перевода выделил межсемиотический на том основании, что в последнем случае наблюдается перевод текста, понимаемого в широком смысле, из одной семиотической системы в другую. В настоящее время «вторичные тексты» (по А.И. Новикову), в том числе и возникающие как результат межсемиотического перевода, по разным причинам оказываются в центре внимания междисциплинарных исследований.

Переведенная на русский язык манга Осаму Тэдзуки, в основе которой лежит роман Ф.М. Достоевского «Преступление и нака-

зание», — это полученный в результате сложных трансформаций «продукт», представляющий собой крайне любопытный социально-культурный феномен.

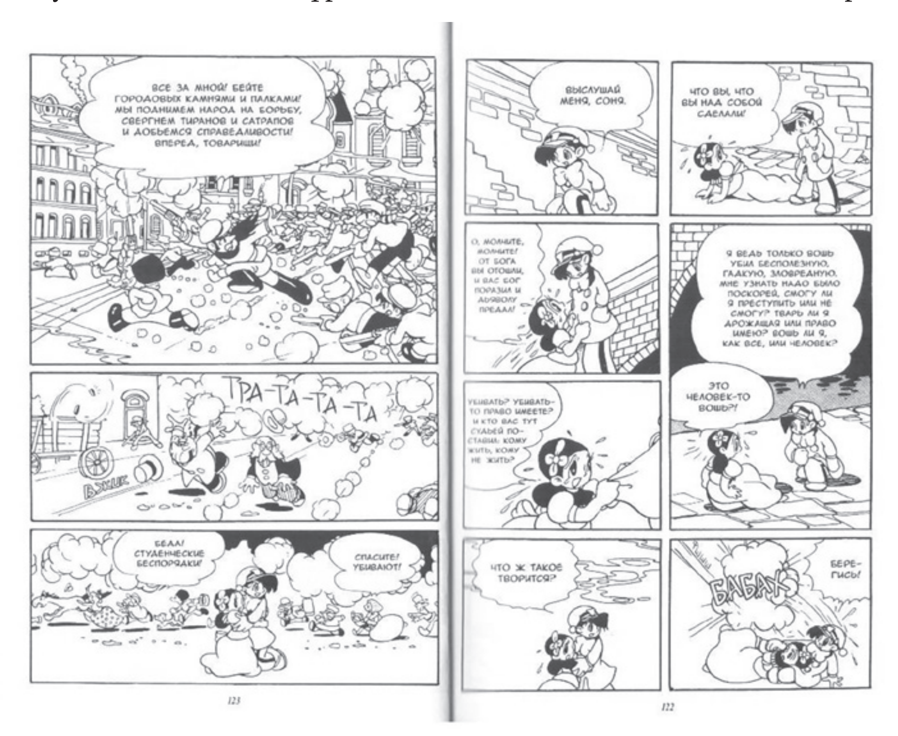
Роман «Преступление и наказание», переведенный на многие иностранные языки, в том числе и восточные, становится предметом рефлексии представителя иной (японской) культуры XX века. Первоначально языковой (вербальный) код романа одновременно переформатируется в иную семиотическую систему, воспринимаемую зрительно, а затем подвергается межъязыковому обратному переводу с японского языка на русский. В ряде случаев используются дословные цитаты из романа Ф.М. Достоевского, некоторые реплики персонажей манги носят «компилятивный характер». Линейное повествование первичного текста заменяется клиповым во вторичном тексте. Подчеркнутое смещение временных рамок повествования (Осаму Тэдзука в своем предисловии к манге подчеркивает созвучность российской общественной атмосферы конца XIX века настроениям в послевоенной Японии) придает роману новое звучание.

Жанр вольной интерпретации романа Ф.М. Достоевского, обозначенный в небольшом издательском предисловии, допускает некоторые расхождения с оригиналом, сохраняя основную сюжетную линию повествования. Осаму Тэдзука не слишком подробно углубляется в социальные корни преступления, совершенного Родионом Раскольниковым, и тем более в философские тонкости его теории (хотя отдельные фразы из статьи Раскольникова есть в тексте манги, в частности сохранены суждения героя о разделении людей на два разряда), но предупреждает молодежь о ее опасных последствиях. Теория Раскольникова в манге представлена весьма кратко, конспективно. К гениям, людям второго разряда, там отнесены Ликург, Солон, Магомет и Наполеон, но нет упоминания о людях науки — Ньютоне и Кеплере.

Результатом вольного прочтения автором манги романа «Преступление и наказание» становится также появление новых персонажей, редукция традиционных персонажей и новые грани образа Свидригайлова (у этого персонажа понижается социальный статус, от помещика до слуги, который неожиданно для читателя становится революционером). В аннотации для русскоязычного читателя подчеркивается вольное обращение автора манги с текстом романа: «Он смело изменяет композицию произведения и место действия его

сцен, избавляется от некоторых сюжетных линий, объединяет воедино, казалось бы, совершенно несовместимые эпизоды» [Тэдзука, 2012, с. 137].

В начале манги местом действия обозначен Санкт-Петербург, время же действия перенесено на полстолетия вперед, оно происходит при «последнем российском императоре», когда в городе обострились социальные противоречия [Тэдзука, 2012, с. 4]. Это предчувствие общественных катаклизмов становится основой композиционного кольца, которое замыкается в конце манги. Сюжетная линия манги, связанная с темой русской революции, в большей степени подошла бы для подобной интерпретации романа М. Горького «Мать», нежели для романа «Преступление и наказание»: испытавший в юности влияние «недоконченных идей», Ф.М. Достоевский не делает Раскольникова собственно революционером. В манге Раскольников отвергает предложение Свидригайлова присоединиться к бунтовщикам. Такая фраза из манги, как «Все за мной! Бейте горо-

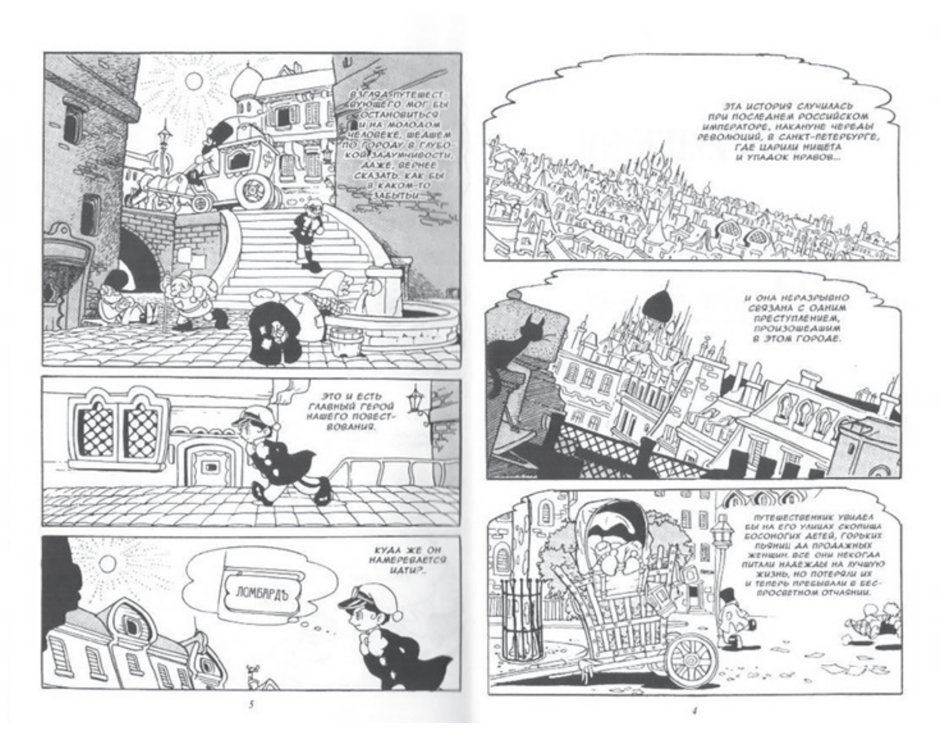

Илл. 1. Беспорядки в Санкт-Петербурге
Fig. 1. Disorders in St. Petersburg

довых камнями и палками! Мы поднимем народ на борьбу, свергнем тиранов и сатрапов и добьемся справедливости! Вперед, товарищи!» [Тэдзука, 2012, с. 123] могла бы быть произнесена в лучшем случае героями «Бесов», но никак не героями «Преступления и наказания».

Изобразительный ряд начала и конца манги также отличается от привычной трактовки образа «желтого Петербурга». Манга выполнена в черно-белой стилистике, силуэты петербургских зданий в начале манги напоминают в большей степени сказочный русский город, нежели Петербург с его европейским обликом. В последнем эпизоде манги город утрачивает сказочность, к изображенным зданиям подошли бы «городские стихи» А.А. Блока, в строгие силуэты при помощи текстовых комментариев вторгаются грохочущие звуки бездушного и безжалостного города, но это не привычный городской шум, а, по-видимому, симфония русского бунта.

Воображаемый путешественник, по мнению Осаму Тэдзуки, мог бы увидеть молодого человека, который шел «по городу в глубокой

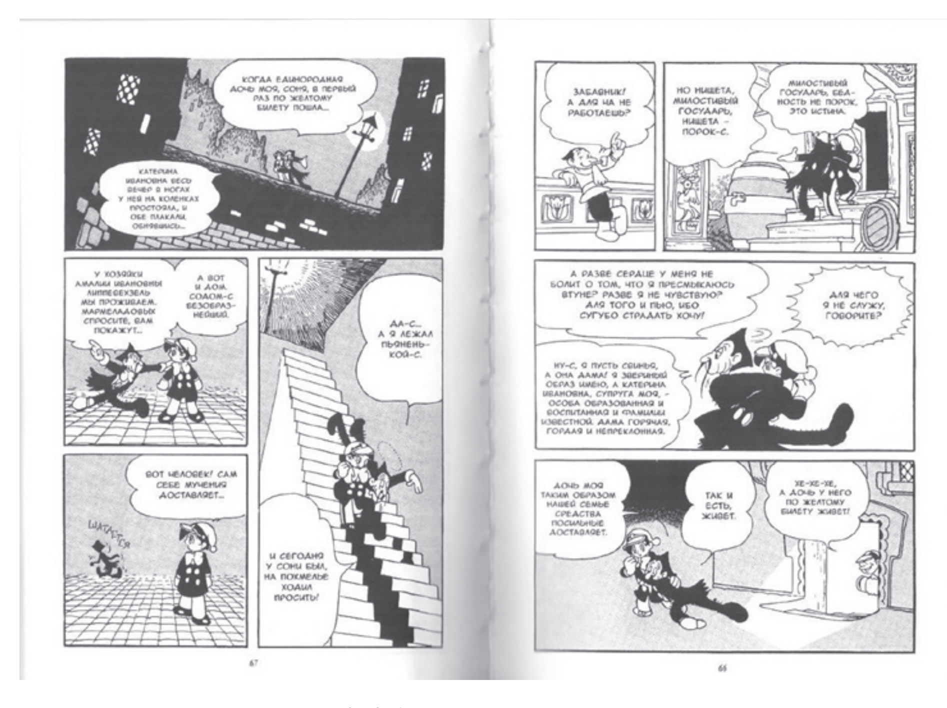
Илл. 2. Начало графического повествования
Fig. 2. The beginning of the graphic narrative

задумчивости, даже в каком-то забытьи». Вторая часть фразы — цитата из начала романа, но воображаемый путешественник появляется только в манге. Графически путешественник не появляется, его незримое присутствие обозначается с помощью сослагательного наклонения: «Путешественник увидел бы на его улицах скопища босоногих детей, горьких пьяниц да продажных женщин. Все они некогда питали надежды на лучшую жизнь, но потеряли их и теперь пребывали в беспросветном отчаянии» [Тэдзука, 2012, с. 4]. В этом комментарии к иллюстрации охарактеризован социальный фон романа. Бедственное положение неназванных персонажей графически передано заплатками на их одежде.

Следующий эпизод манги — посещение Раскольниковым старухи процентщицы с целью заложить отцовские серебряные часы. О том, что чудовищный замысел уже обдуман героем, манга не сообщает читателю — «идея» у героя рождается после посещения старухи. В числе аргументов, оправдывающих будущее убийство, — отсутствие денег на оплату обучения и социальная несправедливость в целом: «Многие люди, сколько ни работают, из нищеты выбиться не могут» [Тэдзука, 2012, с. 9]. Графической иллюстрацией к последнему тезису служит изображение сгорбленной старухи в заплатанной одежде с корзинкой и стоящего рядом с ней столь же сгорбленного старика в высокой «боярской» шапке, которые подошли бы для иллюстрации скорее пушкинских сказок. «Боярская» шапка кажется не совсем подходящей к сюжету романа для русскоязычного читателя, но для японского читателя она, по-видимому, маркирует «русскость».

В числе других сюжетно-композиционных отступлений от текста романа — кабацкая исповедь Мармеладова, которая сдвинута как бы в центр манги.

Обращает на себя внимание языковое оформление русскоязычной манги. Наряду с дословными цитатами из романа Достоевского (любопытный прием переводчика при обратном переводе с японского) встречаются фразы-гибриды, составленные частично из аутентичных фраз, встречающихся непосредственно в тексте романа, их перифраз, а также принадлежащих автору манги — Осаму Тэдзуке. Порой автор манги упрощает речь персонажей, добавляя простонародные обороты. Такое замысловатое переплетение фраз придает чтению манги определенный шарм (особенно если читатель знаком с оригинальным текстом Достоевского), превращая чтение в увлека-

Илл. 3. Кабацкая исповедь Мармеладова
Fig. 3. Marmeladov's confession in the tavern

тельную игру. Нередко ставшие уже крылатыми и хорошо известные не только ценителям творчества Ф.М. Достоевского, но и широкому кругу образованных людей в России (все же роман до сих пор входит в обязательный школьный курс литературы) фразы соседствуют со стилистически сниженными, принадлежащими автору манги. Такая «эклектика» жанров, видимо, должна способствовать упрощению восприятию текста, внося в процесс чтения развлекательный компонент. Приведем в качестве иллюстрации вышесказанного фрагмент из манги: «Мармеладов: "Милостивый государь, бедность не порок, это истина", "Но нищета, милостивый государь, нищета — порок-с"» [Тэдзука, 2012, с. 66]. Узнаваемая, но сокращенная фраза Мармеладова о бедности, нищете и пороке соседствует с несколько редуцированной («Забавник! А для ча не работаешь?» [Тэдзука, 2012, с. 66]) фразой кабацкого собеседника Сониного отца. В романе эта фраза звучит так: «— Забавник! — громко проговорил хозяин. — А для ча не работаешь, для ча не служите, коли чиновник?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 14]

При всей схематичности и символичности изображения персонажей в манге в графическом облике Мармеладова можно опознать остатки «оборванного черного фрака» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 12].

Ставшие сегодня хрестоматийными реплики в ряде случаев приписываются или адресуются другим персонажам или видоизменяются. В романе Катерина Ивановна, незадолго до того, как с улицы принесли раздавленного лошадью Мармеладова, сетует: «Что этот лохмотник нейдет, пьяница!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 139]. В манге реплика Катерины Ивановны, обращенная к дочери, звучит так: «Каким же отец твой лохмотником стал! Этот пьяница погубил меня и всех нас погубит!» [Тэдзука, 2012, с. 73]. В романе Катерина Ивановна обращается к своей старшей дочери — Поле, а в манге — к Соне.

В сцене попадания Мармеладова под лошадь возникает анахронизм — «самосвал», который при этом иронически обыгрывается в тексте манги: «Да он в спешке телегу за самосвал принял! — Так ведь в наше время самосвалов не придумали еще» [Тэдзука, 2012, с. 70].

Здесь, в тексте манги используется нарочито подчеркнутый прием автопоправки, с одной стороны, призванный разрядить ситуацию (по законам манги, трагические события, кровавые сцены, а также сцены насилия, как правило, не акцентируются и не становятся предметом рефлексии), а с другой — заострения внимания читателей, поскольку эпизод имеет важное значение для развития сюжета.

Не менее интересным является язык иллюстраций, нашедший отражение в манге. Отметим, что русскоязычная версия издана «на японский манер»: читать книгу надо с конца, переворачивая страницы не справа налево, а слева направо.

Персонажи в манге во многом оказываются лишены индивидуальных черт, представлены схематично, а идентифицировать их можно чаще всего благодаря какому-нибудь атрибуту. Главный герой романа Раскольников похож на персонажа из диснеевского мультфильма, в его облике нет никаких указаний на внутренние переживания. На обложке манги главный герой держит в руке топор — по этому атрибуту мы и узнаем в нем Раскольникова. Обложка манги цветная, что соответствует традиции. Сочетание черного и красного цвета в обложке манги соответствует идейной

направленности романа: черный цвет символизирует отчаяние, чудовищность замысла Раскольникова, а красный цвет напоминает о пролитой крови и о революционных идеях.

Открытым остается вопрос о целевой аудитории выпущенной в переводе на русский язык манги по роману «Преступление и наказание». Логично было бы предположить, что ее целевой аудиторией является российский школьник, изучающий роман Ф.М. Достоевского и желающий ознакомиться с романом в краткой форме (форматы «роман в краткой форме», «роман в очень краткой форме», «роман за 5 (15) минут» широко представлены в интернете; сами учителя литературы часто предлагают посмотреть фильм, снятый по тому или иному произведению, понимая, что не все их подопечные «осилят» чтение романа целиком). Однако это предположение вряд ли соответствует действительности. Манга по определению не есть краткое изложение какого бы то ни было «первичного» текста, а, напротив, его обыгрывание. Жанр манги допускает и появление новых персонажей, и сокращение числа «старых», нивелирование сюжетных линий и их неравномерное сокращение. Более того, использование специфического визуального ряда, как правило, придает манге особую тональность, отличающуюся от тональности оригинального текста.

По мнению исследователей А.В. Кубасова и О.М. Михайловой, читатель манги «должен владеть двумя кодами: содержательным (роман Достоевского) и жанровым кодом манги. Если нет владения одновременно обоими кодами, то перед читателем оказывается нечто вроде детской книжки с картинками. Если есть знание романа, но нет владения кодом манги, то она воспринимается зачастую как дискредитация великого романа. Второй вариант весьма характерен для учителей-словесников» [Кубасов, Михайлова, 2021, с. 166].

На наш взгляд, русскоязычная манга, являясь, как уже было сказано выше, дважды «вторичным» текстом, по сути предназначена для той части российской аудитории, которая хорошо знакома с текстом романа Ф.М. Достоевского, интересуется японской культурой, является в целом довольно образованной для того, чтобы воспринимать поликодовые тексты, получая от их чтения эстетическое удовольствие, в основе которого лежит эффект «узнавания».

Список литературы

1. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

2. Кубасов, Михайлова, 2021 — *Кубасов А.В., Михайлова О.А.* Культура и текст. 2021. № 4 (47). С. 164–177.

3. Магера, 2021 — *Магера Ю.А.* Литературная классика в японской манге: комиксы Тэдзука Осаму // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. № 9-1. С. 100–115.

4. Новикова, 2019 — *Новикова Е.Г.* Ф.М. Достоевский в японских комиксах // Текст. Книга. Книгоиздание. 2019. № 19. С. 75–94.

5. Олейник, 2018 — *Олейник Е.М.* Роман Ф.М. Достоевского в комиксах-адаптациях // Университет XXI века: научное измерение. Материалы научной конференции научно-педагогических работников, аспирантов и магистрантов ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2018. С. 169–173.

6. Тарасова, 2022 — *Тарасова И.В.* Сравнительный анализ системы персонажей в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и в манге Цугуми Ообы «Тетрадь смерти» // Научные исследования в современном мире. Теория и практика: Сборник статей международной научной конференции. СПб: ГНИИ «Нацразвитие», 2022. С. 10–13.

7. Тэдзука, 2012 — *Тэдзука Осаму*. Преступление и наказание / пер. с яп. Екатеринбург: Фабрика комиксов, 2012. 136 с.

8. Усачева, 2021 — *Усачева Е.С.* Переосмысление классического литературного произведения в графическом романе Д.З. Мейровица и А. Коркоса «Преступление и наказание» // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2021). Сборник материалов Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2021. С. 161–165.

9. Якобсон, 1978 — *Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24.

References

1. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

2. Kubasov, A.V., and O.A. Mikhailova. *Kul'tura i tekst* [*Culture and Text*], no. 4 (47), 2021, pp. 164–177. (In Russ.)

3. Magera, Iu.A. "Literaturnaia klassika v iaponskoi mange: komiksy Tedzuka Osamu" ["Literary Classics in Japanese Manga: Tezuka Osamu's Comics"]. *Vestnik RGGU. Seriia: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*, no. 9–1, 2021, pp. 100–115. (In Russ.)

4. Novikova, E.G. "F.M. Dostoevskii v iaponskikh komiksakh" ["Dostoevsky in Japanese Comics"]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*, no. 19, 2019, pp. 75–94. (In Russ.)

5. Oleinik, E.M. "Roman F.M. Dostoevskogo v komiksakh-adaptatsiiakh" ["Dostoevsky's Novel in Comics Adaptations"]. *Universitet XXI veka: nauchnoe izmerenie. Materialy nauchnoi konferentsii nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov, aspirantov i magistrantov TGPU im. L.N. Tolstogo*

[*University of the 21st Century: The Scholarly Dimension. Proceedings of the Academic Conference of Faculty, Postgraduate, and Master Students of L.N. Tolstoy TSPU*]. Tula, TGPU im. L.N. Tolstogo Publ., 2018, pp. 169–173. (In Russ.)

6. Tarasova, I.V. "Sravnitel'nyi analiz sistemy personazhei v romane F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie' i v mange Tsugumi Ooby 'Tetrad' smerti'" ["Comparative Analysis of the Character System in Fyodor Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment* and in Tsugumi Ooba's Manga *Death Note*]. *Nauchnye issledovaniia v sovremennom mire. Teoriia i praktika: Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [*Academic Research in the Modern World. Theory and Practice: Collected Articles from the International Conference*]. St. Petersburg, GNII "Natsrazvitie" Publ., 2022, pp. 10–13. (In Russ.)

7. Tedzuka Osamu. *Prestuplenie i nakazanie* [*Crime and Punishment*]. Trans. from Japanese. Ekaterinburg, Fabrika komiksov Publ., 2012. 136 p. (In Russ.)

8. Usacheva, E.S. "Pereosmyslenie klassicheskogo literaturnogo proizvedeniia v graficheskom romane D.Z. Meirovitsa i A. Korkosa 'Prestuplenie i nakazanie'" ["Rethinking Literary Classics in the Graphic Novel *Crime and Punishment* by D.Z. Meyrovits and A. Korkos"]. *Sotsial'no-gumanitarnye problemy obrazovaniia i professional'noi samorealizatsii (Sotsial'nyi inzhener-2021). Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii molodykh issledovatelei s mezhdunarodnym uchastiem* [*Socio-Humanitarian Issues of Education and Professional Self-Realization (Social Engineer-2021): Proceedings of the All-Russian Scientific Conference of Young Researchers with International Participation*]. Moscow, RGU im. A.N. Kosygina Publ., 2021, pp. 161–165. (In Russ.)

9. Jakobson, R. "O lingvisticheskikh aspektakh perevoda" ["On Linguistic Aspects of Translation"]. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike* [*Questions on Translation Theory in Foreign Linguistics*]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1978, pp. 16–24. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 30.05.2024
Одобрена после рецензирования: 05.09.2024
Дата публикации: 25.12.2024

The article was submitted: 30 May 2024
Approved after reviewing: 05 Sept. 2024
Date of publication: 25 Dec. 2024